

Глава 2. Яичная лапша и бататовая каша

С приходом ночи застрекотали осенние сверчки. Цан Доушань, весь день рубивший дрова, лежал на жесткой постели. Плечи ломило, спину тянуло тупой болью. Он прикрыл глаза и сосредоточился, бережно выравнивая дыхание и умирняя мысли.

Врожденные способности этого тела нельзя было назвать выдающимися, но и к совсем безнадежным его тоже не причислишь. Из восьми чудесных каналов четыре оказались заблокированы. Впрочем, застой не был глухим — упорным трудом их еще можно было пробить. Для начала следовало применить Метод регулирования дыхания Яшмовых врат, чтобы очистить эти четыре русла, и лишь затем приступить к полноценному совершенствованию.

В прошлой жизни Цан Доушань родился с полностью открытыми каналами — редчайший гений, чья тропа самосовершенствования всегда была гладкой и беспрепятственной. Теперь же он впервые познал горький вкус преград. И хотя разум подсказывал, что в деле очищения каналов спешка губительна, уязвленная гордость не давала ему покоя.

Ближе к полуночи Цан Доушань прервал созерцание и открыл глаза. Прямо перед его лицом, едва не касаясь носа, маячила чужая физиономия. От неожиданности у него перехватило дыхание. Изумленный и разгневанный, он выпалил:

— Ты что творишь?!

Вэйшэн, скрестив руки на груди, прищурился в ухмылке:

— Что за технику ты практикуешь? Может, и меня научишь?

Цан Доушань перевел дух:

— Ты хочешь ступить на путь совершенствования?

— Ну да. А ты что подумал?

Цан Доушань усмехнулся.

— Подойди ближе и повернись спиной, — велел он.

Стоило Вэйшэну подчиниться, как Цан Доушань протянул руку и прижал ладонь к его лопатке.

Вэйшэн нетерпеливо повел плечами:

— Ну и что дальше?

— Помолчи.

Цан Доушань погрузил свое духовное сознание в океан души и направил тонкую струйку ци сквозь каналы в тело спутника. Вэйшэну показалось, будто под кожу пробралось крошечное насекомое. Оно скользнуло к самым костям, сделало быстрый круг по телу и молниеносно отступило.

— Наглухо, — вздохнул Цан Доушань, чувствуя легкое головокружение от усталости.

Вэйшэн резко развернулся:

— Наглухо? Хочешь сказать, мне путь заказан?

Цан Доушань окинул его скептическим взглядом:

— Не просто заказан. У тебя заблокированы все восемь каналов. Даже у самых заурядных смертных от рождения открыты один-два. Троекратная проходимость уже позволяет приоткрыть дверь в орден. Твой же случай — один на десять тысяч. Худший из возможных.

Вэйшэн помрачнел от досады.

— Нельзя, так и скажи. К чему эти издевки про «худший»? Нарываешься?

Цан Доушань лишь хмыкнул:

— Я лишь констатирую факт.

— Напросился! — рявкнув, Вэйшэн навалился сверху.

Цан Доушань даже охнуть не успел, как оказался повален на кровать. Лишенный возможности защищаться, он принял на себя град коротких ударов. Вэйшэн бил не в полную силу, но прижал его так крепко, что вырваться было невозможно.

— Худший, говоришь? А этот худший сейчас выбьет из тебя всю дурь! — приговаривал он, не то шутя, не то угрожая. — Ну что, признаешь поражение?

Цан Доушань, неспособный ни уклониться, ни одолеть противника физической силой, зашипел:

— Сдаюсь! Сдаюсь, пусти!

Вэйшэн тут же ослабил хватку. Он довольно ухмыльнулся.

— То-то же.

Цан Доушань сердито отвернулся, плотно сжав губы. Вэйшэн соскользнул с кровати, обулся и, обернувшись у порога, задорно вскинул брови:

— Небось думаешь: «Вот окрепну, начну практиковать и верну должок»?

Цан Доушань лишь резко мотнул головой, мысленно понося наглеца на чем свет стоит.

— Хех, запомни: то, что ты можешь развивать свои каналы, еще не повод задирать нос. Не выйдет с праведными практиками — подамся в демонические культиваторы. Говорят, на темном пути сила растет куда быстрее...

— Попробуй только! — яростно оборвал его Цан Доушань.

Он буравил Вэйшэна гневным взглядом. Тот медленно перестал улыбаться, сменив улыбку странным, насмешливо-пытливым выражением. Он наклонился ближе и вкрадчиво спросил:

— Если я действительно ступлю на путь демонов... ты убьешь меня?

Цан Доушань тяжело дышал. Он был охвачен сомнениями. Он замялся и долго не мог вымолвить ни слова, раздираемый внутренним спором.

— Если это не шутка... — наконец глухо произнес он, — то да. Убью.

Вэйшэн снова улыбнулся. Он пребольно ущипнул Цан Доушаня за щеку, заставив того поморщиться, бесцеремонно толкнул обратно на подушки и натянул одеяло до самого подбородка.

— Вот и спи давай. Завтра опять дрова колоть, — потрепал он его по щеке.

С этими словами он зашагал к своему углу, шлепая босыми ногами по доскам, забрался под свое одеяло и шумно вздохнул — то ли с облегчением, то ли с затаенной грустью.

Цан Доушань еще долго лежал без сна, не в силах успокоить бьющееся сердце.

Случись это наяву, он действительно не знал бы, как поступить.

Вэйшэн спас ему жизнь. Если бы парень упрямо покатился по наклонной темного пути, Цан Доушань попытался бы сделать все, чтобы наставить его на ум. Лишить жизни спасителя — самый низкий, самый позорный исход.

Оставшуюся часть ночи его терзали кошмары.

Ему снилась прошлая жизнь. Он сидел на Утесе Отрешенного Сердца. Вдали плавилось золото заката, разливая по небу багряные облака, и бушевал яростный духовный ветер, вспенивая облачное море.

Внезапно серебряно-белое копьё с маху пробило ему грудь, пройдя сквозь самое сердце. В оцепенении он уставился вниз — и в то же мгновение второе копьё сокрушило его сосуд силы. Чистейшая ци вместе с алой кровью хлынула из раны. Третье копьё завершило расправу, вырвав душу из брэнной плоти... А затем...

Затем — лишь мгновение, обернувшееся целым тысячелетием забвения.

Смерть пришла слишком внезапно, и кошмар оборвался прежде, чем он успел в полной мере прочувствовать агонию. Но мир за это краткое мгновение изменился до неузнаваемости.

Но кто это сделал? В то время он уже достиг вершины стадии Слияния с Дао и считался неоспоримым преемником Врат Сердца секты Сихэ. Людей, способных одолеть его, в поднебесной насчитывались единицы, да и те не посмели бы поднять на него руку.

Так кто же решился на это святотатство?

Подобной силой и мотивацией могли обладать лишь демонические мастера. Но какой отступник владел серебряно-белым копьём и был способен подавить его волю так легко, словно младенца? Он перебирал в памяти всех темных владык уровня Постижения Дао, но так и не смог найти подходящего кандидата.

Какая нелепая, несправедливая смерть.

Позорное клеймо, которое не смыть.

Цан Доушань резко сел на постели, тяжело дыша. Он покрылся холодным потом. Фантомная боль из далекого прошлого, казалось, укоренилась в его нынешнем слабом теле, заставляя сердце испуганно сжиматься.

Восстановив дыхание, он бросил взгляд на окно. На востоке небо едва заметно посветлело,

окрасившись в бледный цвет рыбьего брюха, хотя вокруг все еще стояла глухая ночь. Сделав глубокий вдох, он спустил ноги на пол, вышел во двор и, устроившись на старом каменном жернове, погрузился в медитацию.

Предрассветные сумерки — благодатный час для созерцания.

Утром Вэйшэн, зевая во весь рот, принялся таскать воду и колоть дрова. К тому моменту, когда солнце окончательно взошло, Цан Доушань пошевелился, разминая затекшие конечности, и спрыгнул с жернова. Ночные усилия принесли плоды: еще один забитый канал поддался и очистился. Если держать этот темп, то меньше чем через три месяца он сможет сделать первый полноценный вдох духовной энергии — приступить к поглощению ци.

— Очнулся? А ну живо берись за топор, нечего прохлаждаться, — окликнул его Вэйшэн.

Цан Доушань молча взял топор и принялся за работу. Расколотые поленья они укладывали в ровные стопки. Вэйшэн перевязывал их сухой травой и складывал на старую тачку, чтобы потом везти в деревню на продажу.

Они перебивались простой скудной пищей, засыпали без сил от изнурительного труда, но каждую полночь Цан Доушань неизменно поднимался для тайной практики. Так тянулся день за днем.

Мало-помалу он собирал крупицы сведений об этом мире — столь знакомом и одновременно чуждом.

Ныне Поднебесной правила династия Дацзин. Спокойными эти времена назвать было трудно: до глухой деревни то и дело долетали смутные слухи о грядущей войне. Соседнее государство Великое Чжоу, раскинувшееся на бескрайних просторах Срединных земель и ничуть не уступавшее Дацзин по мощи, явно замышляло недоброе, регулярно устраивая стычки на границе. И хотя до этих тихих мест пламя войны еще не добралось, крестьяне за чаркой мутного вина охотно судачили о далеких сражениях, не задумываясь о том, сколько чужих жизней уносили эти будничные разговоры.

Что же касается мира бессмертных, то деревня Байшуй находилась в такой глуши, что местные жители представляли себе заклинателей лишь как сказочных небожителей, способных летать и жить вечно. Никаких ценных сведений здесь было не сыскать.

Прошло чуть больше трех месяцев. Все восемь каналов Цан Доушаня наконец обрели желанную проходимость. Настало время сделать первый шаг на истинном пути.

Поглощение духовной ци — первый и самый важный рубеж для любого, кто желает прикоснуться к великому Дао.

Навыки этого тела оставляли желать лучшего. Цан Доушань сосредоточенно выравнивал дыхание, добиваясь абсолютного покоя ума. Затем он подошел к дряхлой деревянной двери и принялся мерно перешагивать через порог — туда и обратно.

Вэйшэн, только что пересчитавший дневную выручку, в прекрасном расположении духа вышел на крыльцо. Скрестив руки на груди, он долго наблюдал за этими странными упражнениями.

— Ты чего делаешь?

— Не мешай, — бросил Цан Доушань, даже не взглянув на него.

— Ишь ты, какой вежливый выискался!

Цан Доушань проигнорировал колкость и продолжил свои замеры, полностью уйдя в размышления.

В прошлой жизни он родился одаренным и преодолел этот порог без малейших усилий. Теперь же ему приходилось заново наощупь искать это тонкое, ускользающее ощущение внутренней гармонии.

К счастью, за плечами лежал колоссальный опыт. Спустя сутки непрерывных попыток, без сна и отдыха, он наконец нащупал нужную струну. Заветный порог был преодолен.

К этому моменту на деревню вновь опустилась ночь. Он почувствовал, как желудок яростно заурчал. Зайдя в комнату, Цан Доушань обнаружил на столе лишь три засохших, твердых как камень маньтоу. Даже захудалых солений к ним не нашлось.

Кое-как разжевав и проглотив два сухаря, он понял, что больше в него не лезет. Кое-как устроившись на постели, он попытался уснуть, но голод то и дело вырывал его из дремоты. В полузабытии он вдруг почувствовал, как кто-то осторожно трясет его за плечо.

— Вставай, соня, пора ужинать.

Открыв глаза, он увидел перед собой миску с горячей кашей из батата. Густая, источающая сладкий аромат риса и печеного корнеплода, она манила невероятно. Подавленный голод вспыхнул с новой силой. Цан Доушань порывисто сел, схватил миску и в несколько глотков осушил ее до дна.

Вэйшэн, прищурившись, наблюдал за ним.

— Еще хочешь?

Цан Доушань на мгновение замялся, но все же кивнул:

— Да.

Вэйшэн молча поднялся и вышел. Вернулся он нескоро, неся глубокую пиалу с лапшой. Сверху сиял свежий зеленый лук, но главным чудом были два вареных яйца. Целых два!

Цан Доушань принял горячую посуду, но не спешил браться за палочки:

— Откуда это у тебя?

— Дикие куры нанесли, — не моргнув глазом соврал Вэйшэн.

— Негоже это... — засомневался Цан Доушань.

Вэйшэн беззлобно щелкнул его по лбу:

— Это моя забота, а не твоя. Ешь давай!

Сил сопротивляться аппетиту больше не было. Отбросив сомнения, Цан Доушань в считанные мгновения уничтожил все до последней капли бульона. Но едва он закончил, как сдавленно охнул и схватился за живот.

— Ты чего?

— Мне... отойти надо...

Вернувшись и вновь улегшись под одеяло, Цан Доушань прислушался к тихому бряцанью посуды у очага — это Вэйшэн прибирал за ним.

— С чего вдруг такая щедрость? — не выдержал он.

— Жизнь мне своя дорога, ясно тебе? — отозвался тот из темноты.

Цан Доушань невольно усмехнулся:

— Неужели всерьез испугался моей мести?

Вэйшэн промолчал. Закончив с уборкой, он шумно вытер руки и вышел во двор. Цан Доушань

закрыл глаза. Поворочавшись еще немного, он наконец погрузился в глубокий, спокойный сон.

Дальнейшая жизнь мало отличалась от прежней. Вот только обращаться к нему Вэйшэн стал спокойнее и мягче, подчас даже с какой-то непривычной, почти чуждой вежливостью.

Поначалу эта перемена заставляла Цан Доушаня врасплох, но вскоре он привык. Все свободное время он отдавал упорным тренировкам, стремясь как можно скорее достичь стадии Начального Созерцания.

Время шло своим чередом. Работа в лесу, медитации, простая, но сытная еда и сносная одежда. Порой Цан Доушаню казалось, что в этом убогом быте кроется тихое, неизведанное им ранее счастье — быть может, куда более настоящее, чем суетные годы, проведенные некогда во Вратах Сердца.

Однако этой хрупкой идиллии не суждено было длиться долго.

<http://bllate.org/book/18329/1766158>